РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Касьяненко В.В.

Политические идеи Ивана Грозного и А. Курбского и их изучение в отечественной исторической науке

*Кубанский государственный университет
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/spc-26-08-2018-05

idsp: 000001:spc-26-08-2018-05

Заметное влияние на политическое развитие Московского государства XVI в. оказала дискуссия о путях развития страны, возникшая между А.М. Курбский и Иваном Грозный. Именно теории этих авторов оказали решающее влияние не только на современную литературу, но и на последующие развитие публицистики в России и в конечном итоге на ее политическую эволюцию.

Методологической основой данной статьи является тезис о том, что политические взгляды публицистов основаны на мифологизации процесса. Так как теории мыслителей опирались на эсхатологические мифы, они не могли быть осуществлены и таким образом превращались в утопию (несбыточную мечту). Впоследствии эти утопии могли стать (и становились) основой для новых мифов, которые вновь превращались в утопию.

Переписку между Курбским и Иваном Грозным, историки XIX в. обычно трактовали с политической точки зрения. Начало такому подходу положил Н.М. Карамзин. По его мнению, «первым делом Курбского было изъясняться с Иоанном, открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо царю... Царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому».

Иначе, чем Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев объясняет смысл переписки Грозного и Курбского. "В ней высказались не одни только, личные современные отношения, в ней вскрылась историческая связь явлений. Иоанн в ответ потомку ярославских князей высказывает цель своего правления и превосходства, нового порядка вещей". Переписка, по мнению автора, это спор сторонников "старого" и "нового порядка вещей". За Курбским стояли старые "родовые начала", за Грозным - новые "государственные".

Не ясно, за какие именно родовые начала мог выступать в XVI в. А. Курбский, не был он противником «государственных начал и сторонником раздробленности страны». Также не понятно, чем, по мнению С.М. Соловьева отличался, «старый порядок от нового».

На эти недочеты указывали уже современники С.М. Соловьева, поэтому после него высказывались сомнения в том, имел ли вообще этот спор идеологический смысл. В исторических трудах началось отрицание значения переписки. В частности Н.И. Костомаров выразил даже недоумение, зачем царь писал Курбскому.

В.О. Ключевский продолжил тенденцию в исследовании переписки Грозного и Курбского. Он, как и предыдущие историки отрицал ее значение. В.О. Ключевский даже подчеркнул ее бессмысленность, показав на основе почти точных цитат взятых из переписки, что боярин и царь, не понимают и не хотят понимать друг друга: «Каждый из них твердит свое и плохо слушает противника:

- За что ты бьешь нас, верных слуг своих? - спрашивает князь Курбский.
- Нет - отвечает ему царь Иван - русские самодержцы изначально сами владеют своими царствами, а не бояре и не вельможи».

С.Ф. Платонов первым попытался определить смысл спора между Грозным и Курбским. Он полагал, что опричнина (учрежденная в 1564 г., вскоре после начала переписки) была реформой, направленной против бояр-князей, которых Грозный лишал земельных владений. По мнению С.Ф. Платонова, в переписке «обе стороны - монарх, стремившийся «сам править» и князь-боярин, представляющий принципы боярской олигархии, обменялись мыслями с редкою откровенностью и резкостью... В полемике Грозного и Курбского вскрывался истинный смысл избранной знати, которая, очевидно, служила орудием не бюрократическим - боярской, а удельно-княжеской политики». Таким образом, переписка была как бы своеобразной программой Грозного.

Послания Грозного, по мнению Покровского, выражали «новую мысль». «Нет ничего несправедливее, как отрицать принципиальность царя в его борьбе с боярами и видеть в этой борьбе какое-то политическое топтание на одном месте», - писал Покровский. Новыми у него была экономическая характеристика самодержавия Грозного как государственного строя опиравшегося на «торговый капитал» и противостоящего старому феодальному.

В ранней советской историографии, до 40-х г. XX в., предпринимались попытки проверки того объяснения событий 1564 г. и переписки Курбского и Грозного, которое изложил Платонов. Хотя его взгляды встречали поддержку среди историков (Садиков, Бибииков и др.), в тоже время были и некоторые возражения, в частности, у С.Б. Веселовского. С начала 40-х г. XX в. при поддержке политического руководства страны, начинается своеобразный переворот в оценке Грозного. Показательна статья В.И. Костылева «Литературные заметки», опубликованные в марте 1941 г. Автор предлагал отвергнуть все источники о Грозном, которые писали его недоброжелатели и пересмотреть оценку в истории Ивана IV, который сумел создать государство, устоявшее в годы Смуты. К этой теме обратились другие деятели искусства, создавшие многочисленные произведения о «великом государе»; этой же концепции следовали историки. Так С.Б. Бахрушин характеризовал в 1942-1945 гг. Ивана Грозного, как «крупного государственного деятеля своей эпохи, верно понимавшего интересы и нужды своего народа боровшегося за их удовлетворение», а Курбского как «апологета боярства», бывшего удельного князя, изменившего своей стране и противника своего народа. Мысль о Грозном как борце за счастье соотечественников представляла собой новое явление в историографии марксистского периода. Общую оценку апологетической литературы о Грозном дал С.Б. Веселовский, крупный исследователь эпохи Ивана Грозного, в статье написанной им еще в 1944-1945 гг., но увидевшей свет лишь в 1963 г. Поводом для статьи послужила рецензия Н.С. Державина на книгу В. Костылева, в которой он писал, что события царствования Ивана IV лишь сравнительно недавно получили в историографии правильное толкование. Возражая ему С.Б. Веселовский писал, «что Грозного восхваляли и ранее, но для подлинных открытий в науке, необходим большой и добросовестный труд над источниками, новый фактический материал».

С конца 50-х г. XX в. интерес к переписке Грозного и Курбского возрос. Посмертно издан сборник работ С.Б. Веселовского. Опубликованы исследования по опричнине (А.А. Зимина, Р.Г. Скрынникова, В.Б. Кобрина). Однако, апология Грозного в работах предшественников вызвала своеобразную историографическую реакцию.

Ярче всего это отразилось в работе С.М. Дубровского (1956 г), который характеризовал власть Грозного как тиранию и полностью отверг его роль как писателя и публициста, заявив, что при отсутствии прижизненных автографов авторство царя сомнительно.

Появились сомнения и в публицистическом значении переписки. Схема С.Ф. Платонова вызвала серьезные возражения в советской историографии. С.В. Бахрушин отметил дворянский характер многих из реформ «Избранной рады» и это получило дальнейшее развитие в работах А.А. Зимина и И.И. Смирнова .

Серьезному пересмотру подвергся взгляд С.Ф. Платонова на опричнину как реформы, целью которой была уничтожение вотчинного земледелия бояр. С.Б. Веселовский показал, что на землях, взятых в опричнину, почти не было княжеских вотчин, этот вывод был подтвержден А.А. Зиминим. Все это давало последователям повод выразить сомнения в антибоярской земельной политики и годы опричнины.

С.Б. Веселовский ставил вопрос еще резче. Он предлагал возвращение к точке зрения Ключевского, согласно которой внутренняя политика Ивана IV определялась его психологическим состоянием и сводилась к истреблению лично неугодных царю лиц. Согласно этому переписка Грозного и Курбского чисто психологически в духе Карамзина.

Интерес к переписке Грозного и Курбского резко возрос после 1971 г. и опубликования книги Э. Кинана. Американский исследователь пришел к выводу, что первое письмо Курбского, как и вся его переписка с Грозным, является литературной мистификацией XVI в.. Основанием для этого послужило обнаруженное Э. Кинаном текстуальное сходство в послании Курбского и в «Жалобе» литовского монаха Исая. Будучи в заключении в Вологде, Исайя написал свое письмо в 1566 г., а Курбский - в 1564 г. Считая письмо монаха первичным, Кинан заключил, что письмо Курбского подложно, как и вся переписка.

Вывод, сделанный Кинаном, положил начало дискуссии, в которой приняли участие не только ученые-медиевисты России, но исследователи из других стран. Аргументы Э. Кинана были подробно проанализированы в 1973 г. Р.Г. Скрынниковым. По его мнению, Исайя написал свое письмо вскоре после июля 1562 г. Тайную переписку с ним вели те самые русские эмигранты, которые вскоре завязали отношения с Курбским. От них беглый боярин и получил сочинение Исая, из которого и сделал выписку в 1564 г.. Андреев и Я.С. Лурье полагают, что именно послание Курбского послужило источником для «Жалобы» Исая. Монах его мог получить в ходе тайных сношениях, во время заключения, со своими доброжелателями.

Я.С. Лурье полагает, что переписка Грозного и Курбского принадлежит к жанру агитационной литературы и именно в этом заключается ее идеологический смысл. Свой вывод он делает на основе того, что современники были знакомы с перепиской (приводит в качестве примера случай с монахом Исайя). И также Лурье строит доказательство на базе того, что в заголовке царского послания написано, что монарх адресовал свое письмо во все Российское государство, из чего делает вывод, что Иван IV и Курбский обменивались открытыми, адресованными широкому кругу читателей, письмами.

В историографии второй половины 80-90-х гг. начинается новый этап в изучении переписки Курбского и Грозного. На первое место выходит изучение личности в историческом процессе. Акцент делается на психологический аспект. Поэтому переписка рассматривается через призму личного столкновения. Р.Г. Скрынников отрицает объяснения посланий Грозного, предложенные Я.С. Лурье.

Автор указывает на то, что переписка не могла принадлежать к жанру открытых писем, так как это никак не отразилось в рукописной традиции XVI в.. Р.Г. Скрынников дает свою трактовку причин возникновения переписки: «На протяжении длительного времени царя Ивана и князя Курбского связывала личная дружба. Разрыв вызвал жгучую потребность объясниться начистоту, выразить накопившиеся обиды». Это объяснение сближает позиции автора с позициями историков первой половины XIX в. и крайне похоже на формулировку данную Н.М. Карамзиным в своей «Истории государства Российского».

Таким образом, анализ историографии данной тематики с одной стороны, показывает политизированный характер изучаемой проблемы, с другой насущную потребность комплексного рассмотрения.

1. Хоффманн И. Национальные мифы, региональные традиции-препятствия на пути к единой Европе // Известия вузов. Общественные науки. 2001. № 1.
2. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. 12.
3. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 1997.
4. См.: Веселовский С.Б. Синодик опальных как исторический источник // Проблемы источниковедения. Т. 3. М., 1990.
5. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. М.:Л., 1954.
6. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
7. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1963.
8. Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.
9. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси. Л., 1979.
10. Скрынников Р.Г. История Российская IX – XVII вв. М., 1997.